

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПУТЬ Н. К. ГУДЗИЯ

Славянская филология со смертью Николая Каллиниковича Гудзия лишилась одного из самых славных и замечательных своих советских представителей, заслуживших мировую известность.

Ученик академика В. Н. Перетца, тесно связанный с Киевской, украинской школой исторического и сравнительно-исторического литературоведения, текстологии, техники филологического анализа и научного издания письменных источников, Н. К. Гудзий в начальный период своей научно-исследовательской деятельности основное внимание уделяет разысканиям в области древнеукраинской и древнерусской литературы. Вместе с тем, в то же время он живо и свободно откликается на новые темы и труды, относящиеся к русской художественной литературе XIX века (к творчеству Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Огарева, Достоевского), и к истории русского театра в XVIII веке.

Любопытно, что тогда же, еще до 20-х годов нашего века, определились два основных направления в исследованиях Н. К. Гудзия по древним восточнославянским литературам. С одной стороны, особенный интерес его возбуждают проблемы изучения произведений старой повествовательной славянской литературы с явной печатью поэтичности, художественности (апокрифы и легенды, «Слово о полку Игореве», легенда о папе Григории, легенда об Иуде предателе и Андрее Критском и т. д.). Так, Н. К. Гудзий, вслед за академиками Ф. И. Буслаевым, В. Н. Перетцем, может быть, отчасти и А. С. Орловым, выдвигает принцип литературной художественности, стилистического и эстетического качества как основу отбора письменного материала и способов его анализа для построения истории древних славянских литератур.

С другой стороны, внимание Н. К. Гудзия привлекает литературная и общественно-идеологическая деятельность исторических лиц, которые играли большую роль в развитии средневековых литератур и культур славянских народов и в их отношениях с Западом, таких как Петр Скарга и Максим Грек (см. работы Н. К. Гудзия: «Максим Грек и его отношение к литературе Итальянского Возрождения», 1914; «Переводы «Żywotów Świętych» Петра Скарги в Юго-Западной Руси» и др.).

Около середины 20-х годов начинается новый, московский, период научного труда Н. К. Гудзия. На начальной стадии он ознаменован перемещением центра исследовательских интересов Гудзия в область истории русской литературы и общественной жизни нового времени — XIX и XX вв. Н. К. Гудзий занимается теперь изучением деятельности поэтов-декабристов, творчества Пушкина, Островского, Льва Толстого, Тютчева, в особенности его влияния на поэтику символизма.

Очень интересно и оригинально исследование Н. К. Гудзия «Из истории раннего русского символизма. Московские сборники „Русские символисты“», основанное на глубоком и тщательном анализе рукописного наследия В. Я. Брюсова и неоспоримо доказавшее основную авторскую и редакторскую роль Брюсова по отношению к преобладающему числу псевдонимных произведений в сборниках «Русские символисты». С этим исследованием связана другая работа Н. К. Гудзия «Юношеское творчество В. Брюсова».

С конца 20-х, но особенно интенсивно и последовательно — с первой половины 30-х годов — осуществляется возврат Н. К. Гудзия к древнерусской, а затем и к древнеукраинской литературам.

С того времени горизонт научного творчества Н. К. Гудзия необыкновенно расширяется, методы и приемы его литературоведческих изысканий все углубляются и усложняются.

У Н. К. Гудзия образуются два самостоятельных и вместе с тем внутренне, в идейно-художественной глубине русского культурного развития для него органически связанных круга историко-литературных наблюдений. Это — круг древних восточнославянских литератур и прежде всего истории древнерусской литературы; и второй круг — это сфера сложной и напряженной литературной жизни России в XIX веке, когда великая русская литература достигла мировых вершин; и в ней — среди других светил — особенно полюбились Н. К. Гудзию Пушкин и Лев Толстой.

Н. К. Гудзю принадлежит большая историческая заслуга создания нового оригинального обобщенного и насыщенного конкретными исследованиями курса истории древнерусской литературы, который пришел на смену курсам профессоров Е. В. Петухова, В. А. Келтуялы, академиков П. Н. Сакулина и А. С. Орлова. Этот курс сыграл огромную и важную роль в оживлении и распространении общественного интереса к возникновению древнерусской литературы и к разным этапам ее развития до XVIII века не только у нас и в славянских странах, но и вообще на Западе, а также в Америке. Изменяясь, улучшаясь, дополняясь и обновляясь от одного издания к другому, этот курс вместе с удачно составленной Н. К. Гудзием хрестоматией по древнерусской литературе XI—XVIII веков служил и теперь еще служит животворным источником, знакомства самых глубоких слоев нашей советской, западноевропейской и американской интеллигенции с древнерусской литературной культурой и поэзией.

Само собой разумеется, что Н. К. Гудзю приходилось внимательно изучать все возрастающую за последние десятилетия мировую научную продукцию, относящуюся к разным сферам древних славянских литератур, прежде всего русской и украинской, и отзываться на разнообразные явления в этой области.

Вместе с тем Н. К. Гудзий в отдельных статьях и очерках самостоятельно исследовал и тонко разъяснял многие темные страницы древнерусской литературной истории. Достаточно вспомнить его работы о пророке Аввакуме, о «Слове о полку Игореве», о «Слове о погибели Рускыя земли», о повести Иосифа Флавия, об Александрии, о Серапионе Владимирском, о древнерусской естественно-научной литературе, о «Молении Даниила Заточника», о зарождении и становлении московской литературы, о Катыреве Ростовском и мн. др.

Рядом с Д. С. Лихачевым до самых последних дней своей жизни Н. К. Гудзий стоял во главе нашего активного, ценного и очень продуктивного отряда знатоков и исследователей древнерусской литературы. Показательно, что в последние десятилетия все шире и глубже становились наблюдения и культурно-исторические обобщения Н. К. Гудзия над взаимными связями славянских литератур — русско-украинскими, украинско-русскими, для древнерусской литературы — с южнославянскими. Достаточно сослаться на его труды: «Литература Киевской Руси в истории братских литератур», «Русско-украинские литературные связи», «Культурные связи украинского и русского народов до XVIII в.», доклады на IV и V международных съездах славистов о связи древних восточнославянских литератур с южнославянскими.

Избрание Н. К. Гудзия в 1945 г. в действительные члены Украинской Академии наук обострило и расширило его занятия историей украинской литературы, не только древней, но и новой. Н. К. Гудзий активно участвует в работе по созданию общего очерка истории древнеукраинской литературы и помещает в нем самостоятельно написанные главы. Важное значение имеет его работа об украинских интермедиях XVII—XVIII столетия при издании соответствующих текстов. Он интересуется также проблемой формирования украинской национальной литературы и ее связями с русской национальной литературой. Характерны его работы: «„Энеида“ И. П. Котляревского и русская травестированная проза XVIII в.», «Шевченко и російська революційна демократична думка», «Иван Франко и русские писатели», «Иван Франко и російська культура» и другие.

В истории русской литературы XIX века Н. К. Гудзий, наряду с общими вопросами текстологии, теории литературы и стилистики, которые в его трудах были связаны по большей части с анализом словесно-художественных произведений XIX века и начала XX века, много внимания уделял и со страстью и огромным усердием отдавался изучению творчества Пушкина и Толстого, больше всего Толстого. Самостоятельные исследования и критические статьи Н. К. Гудзия по вопросам текстологии, относящиеся как к древней, так и к новой русской литературе (например, к изучению текста «Слова о полку Игореве», к исследованию текста рукописей Л. Толстого, к конкретно-исторической постановке вопроса о тексте «Войны и мира» и др.), имеют очень большую теоретическую, методологическую и научно-методическую ценность. Вообще, в энергично, разнообразно и во многом по-новому разрабатываемой у нас области научной текстологии роль Н. К. Гудзия почетна и самостоятельна.

Глубокая и горячая любовь Н. К. Гудзия к Пушкину, особенно к его стиховой поэзии, выражалась в пристальном изучении и глубоком знании пушкинских текстов, в живых, полных искреннего восхищения и светлых чувств литературных откликах на пушкинские юбилейные даты и празднества, в изящных и остроумных очерках пушкинского творчества, в библиографических обзорах достижений пушкиноведения. Но Н. К. Гудзий не оставил после себя крупных пушкиноведческих монографий. Из отдельных его статей на пушкинские темы наиболее примечательными можно считать: «К истории сюжета романа Пушкина о бедном рыцаре», текстологические и историко-литературные разыскания о поэме «Братья разбойники», «Пушкин в работе над „Словом о полку Игореве“» и стилистическая работа: «Прозопопая у Пушкина».

Более богатым и разносторонним является наследие Н. К. Гудзия в области изучения творчества Л. Толстого. Очевидно, Толстой был ближе и родственнее Н. К. Гудзию и по стилю и по идейно-художественному содержанию своего творчества, и по своим моральным поискам личной и общественной «правды-справедливости», и по своей тесной и глубокой связи с основными проблемами и задачами нашей современности. Первые статьи Н. К. Гудзия, относящиеся к творчеству Толстого, появились в 1948 году («Толстой и Лесков», «Молодой Толстой и цензура»). До конца дней Н. К. Гудзия Лев Толстой был неизменным спутником его жизненного труда и творческого подвига.

Трудолюбиво, настойчиво и тщательно изучал Н. К. Гудзий рукописи великого писателя, обследовал рукописные и печатные варианты. Он подготовил печатный текст «Анны Карениной», «Воскресения», «Власти тьмы», «Плодов просвещения», «Крейцеровой сонаты», «Записок старца Федора Кузьмича», «Что же нам делать», ряда рассказов (например, «Алеша Горшок»), публицистических и религиозно-философских статей Толстого, многих неизвестных и неопубликованных его черновых набросков.

Н. К. Гудзий воспроизвел творческую историю, последовательность процессов работы Толстого над такими произведениями, как «Воскресение», «Крейцера соната», «Власть тьмы» и др. Он написал важную обобщающую книгу «Как работал Толстой» и очень содержательный, живой и глубокий критико-биографический очерк творчества Льва Толстого. Он исследовал пушкинское и гоголевское начала в творчестве Льва Толстого. Он сделал ценнейшие наблюдения над стилем Льва Толстого и его эволюцией. По многообразию нового, ранее неизвестного и недоступного конкретного материала по тщательности и продуманности наблюдений, по основательности выводов многочисленные труды Н. К. Гудзия, посвященные Льву Толстому, занимают одно из видных и почетных мест в мировой и советской науке о творчестве этого великого писателя.

Важно указать на то, что Н. К. Гудзий хорошо знал, внимательно изучал и тонко ценил историю нашей отечественной филологии, включая сюда и ее развитие в Московском университете. Нельзя не вспомнить с великой благодарностью также труды Н. К. Гудзия в области изучения истории русской филологической науки: «Н. С. Тихонравов», «Изучение русской литературы в Московском университете (до-октябрьский период)», «О русском литературоведческом наследстве», «Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке», «Основные моменты в изучении истории славянской филологии в России», «Изучение древней русской литературы за сорок лет советской власти», «Вивчення української літератури до і післяжовтня» и др.¹

Так сложен, глубок и разнообразен научно-исследовательский путь Н. К. Гудзия. Н. К. Гудзий оставил после себя многочисленные кадры учеников. Он был талантливym учителем, блестящим лектором и оратором. Его университетские курсы и семинары дышали атмосферой творческого воодушевления.

Николай Каллиникович привлекал к себе окружающее общество как человек высокого благородства, кристально чистой души, неизменной благожелательности,

¹ См. библиографию трудов Н. К. Гудзия до 1957 г. в издании Московск. гос. университета : «Николай Каллиникович Гудзий. 1957».

безупречной принципиальности, душевной щедрости, тонкого, ласкового юмора, бескорыстной любви к литературе и искусству.

Он пользовался большой любовью и уважением своих друзей, учеников и знакомых. Его воспитательная и культурно-образовательная роль очень плодотворна и высока. Память о нем в нашем сознании и наших сердцах не может померкнуть.

В. В. Виноградов

О Н. К. ГУДЗИИ — ЧЕЛОВЕКЕ

Когда умирает человек, хочется запомнить прежде всего его человеческие черты. Огромный вклад, внесенный ученым в науку, всегда останется с нами. К научным трудам умершего мы всегда сможем обратиться и после, а вот человека не стало! Нет больше живого, быстрого, искреннего друга, доброжелательного и вспыльчивого, доверчивого к доброму и недоверчивого ко всему злomu, недоумевавшего перед всякой человеческой подлостью, до конца своих дней отказывавшегося понимать, зачем люди делают зло друг другу, страстно искавшего справедливости.

Николая Каллиниковича называли совестью советского литературоведения. Это не титул и не должность. Этим званием не награждают; его нельзя выслужить, но его можно заслужить.

Он заслужил это высокое звание своею искренностью и правдивостью. Он был правдив и искренен во всем, что он писал, делал и говорил. Он не был ни дипломатом, ни чиновником, ни хитрецом. Он не мог притворяться, выжидать или молчать, когда надо было протестовать, заступаться или кого-то поддерживать.

Как и многие очень добрые люди, он был вспыльчив. Сколько раз мы видели его рассерженным, возмущающимся, но, вспыхив, он быстро отходил.

И он был очень добр. Он никогда не радовался чужим неудачам, оплошностям, ошибкам, смешному положению, в которое попадал человек. Дурные поступки его всегда болезненно огорчали. Зато как он радовался чужим успехам, удачной книге, удачному выступлению, награждению достойных. В нем не было ни на йоту злорадности. Это было нечто несовместимое с его натурой. Он был доброрадостен.

Его очень много фотографировали ученики. И на всех фотографиях «гудзиевское» выступало очень ярко: его характерные жесты, его улыбка, его глаза. Это потому, что он всегда был самым собой: искренним до предела. И глаз фотоаппарата это тоже «видел».

Когда он был в Англии, он очаровал англичан. В особенности в восторге были от него правнучки Вальтера Скотта. Он сумел завоевать их сердца своею непосредственностью. Когда он приехал к ним в замок и его встретили две пожилые хозяйки, он искренне изумился: «Какие же вы правнучки, — ведь правнучки должны быть девочками!» Но правнучки нашлись. В тон Николаю Каллиниковичу они заявили, что очень огорчены, что не подошли ему по возрасту. «Напротив, — заявил Николай Каллиникович, — я обрадован, что ваш возраст подходит к моему». Через полчаса он уже с ними танцевал. И Николай Каллиникович танцевал за двоих. Вернее: он танцевал с двоими. Может быть это легенда, но легенду эту рассказывали мне англичане. Она отражает то впечатление, которое произвел на англичан Николай Каллиникович. А разве меньше были очарованы им шотландцы? Даже через несколько лет после посещения Эдинбурга Николаем Каллиниковичем студенты университета прислали ему теплый шотландский плед. Они его не забывали...

В науке, в литературе, в жизни — его всегда интересовали прежде всего люди. И он всегда стремился к установлению справедливости в отношении людей.

Не потому ли он так интересовался древнерусскою литературой и Львом Толстым, что он и сам был страстным правдоискателем? Не потому ли он так любил заниматься историографическими вопросами, что это отвечало его стремлению восстанавливать справедливость? Вспомните его статьи о Тихонравове, Буслаеве, Веселовском и о многих других: он не только изучал их — он в а с т у п а л с я за них. Мы все помним